

Нефтяной передел мира: 2030-й наступил в 2020-м

04.09.2020 - 7:00

Мир штормит, не замечать этого нельзя, даже если вы не фанат просмотра биржевых котировок и экономических новостей. Авторы Telegram-канала «Буровая» рассказывают, в чём причина, кто пострадает первым и как 2030-й год наступил в 2020-м.

Когда США запускали «сланцевую аферу», они ставили перед собой стратегическую цель. Это не было краткосрочной игрой конъюнктуры рынка (конвульсия). Цель аферы была в том, чтобы отыграть итоги арабских национальных революций в странах-нефтеэкспортерах и вернуть запасы на баланс мировых транснациональных корпораций.

Сегодня большая часть «черного золота» находится на балансах государственных (национальных) компаний. Рыночных механизмов уже не хватает для контроля за ценами и рынками сбыта (свидетельством тому беспрецедентный рост цен с 2001 по 2014 год), поэтому необходимо было провести реприватизацию (денационализацию).

Для того чтобы провести ее относительно безболезненно для экономики США, необходимо было снизить ее зависимость от мирового энергорынка, а курс доллара — от цен на нефть.

Именно этой задаче служила беспрецедентная для мировой практики масштабная афера со сланцем, которая создала иллюзию изобилия в дефицитном секторе глобального рынка. Этой же цели по факту служит и пандемия, которая резко снизила мировое потребление нефти.

Мы решили коротко пробежаться по итогам. Посмотреть на ситуацию, которая сложилась в странах-нефтеэкспортерах. Поможет нам в этом *The Economist*, опубликовавший недавно по этому поводу статью...

Бюджеты арабских стран из-за низких цен на нефть находятся на грани дефолта. Алжиру необходимо, чтобы цена на нефть марки Brent поднялась до \$157 за баррель, а для Омана

нужна цена \$87. Ни один арабский производитель нефти, за исключением крошечного Катара, не может сбалансировать свои бухгалтерские счета по текущей цене (\$40).

Избыток предложения (накопленные запасы) и снижение потребления (пандемия) позволят ещё долго удерживать цены на нефть внизу.

По данным МВФ, доходы от нефти на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где производится больше нефти, чем в любом другом регионе, упали с более чем \$1 трлн в 2012 году до \$575 млрд в 2019 году. Ожидается, что в этом году арабские страны заработают около \$300 млрд на продаже нефти, что недостаточно для покрытия своих расходов.

В мае правительство Алжира заявило, что сократит расходы вдвое. Новый премьер-министр Ирака хочет отказаться от правительственных зарплат. Оман изо всех сил пытается найти деньги после того, как рейтинговые агентства оценили его долг как «мусорный» (ниже инвестиционного уровня). Дефицит ВВП Кувейта может достичь 40%, что является самым высоким уровнем в мире.

При этом надо понимать, что на Ближнем Востоке один из самых высоких в мире показателей безработицы среди молодежи.

Высокие цены на нефть позволяли арабским странам финансировать свои непродуктивные экономики, поддерживая социальную стабильность и политическую устойчивость, что помогало нелегитимным режимам избегать прямого иностранного вмешательства.

Эта конструкция сегодня сломана. Ближний Восток и Северная Африка превратились в источник глобальной нестабильности. Потoki беженцев захлестнули Европу, принеся с собой криминал и терроризм.

Таким образом, необходимость вмешательства «цивилизованных стран» в ситуацию для создания рыночной экономики резко возросла, хотя именно «цивилизованные страны» и принесли хаос в этот регион.

Война всегда нужна для того, чтобы потом наводить порядок. Установление порядка — одна из самых выгодных экономических операций мира. The Economist отмечает по этому поводу, что конец нефтяной эры не должен быть катастрофическим, если он приведет к реформам, которые поспособствуют созданию более динамичной экономики и эффективных правительств в арабских странах.

Одним словом, демократизация for ever!

Арабские лидеры понимали, что заоблачные цены на нефть не вечны. Страны-импортеры обязаны будут предпринять меры, чтобы обрушить рынок.

Четыре года назад Мухаммед бин Салман, фактический правитель Саудовской Аравии, разработал план диверсификации экономики — «Видение-2030». У многих его соседей есть свои версии аналогичных разработок.

2030 наступил в 2020-м. Удар по рынку был нанесен раньше.

Остаётся уповать на накопленные резервы, но это не производственные (бесперспективные) затраты, сжигание сбережений в огне инфляции, организованной ФРС США.

Катар и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) имеют огромные фонды национального благосостояния. У Саудовской Аравии валютные резервы составляют \$444 млрд (достаточно для покрытия двухлетних расходов бюджета по текущему курсу и ценам на нефть). Но

эффект от пандемии многократно усилил давление на бюджеты арабских стран. Расход резервов превысил расчеты.

В феврале этого года МВФ предсказывал, что страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ) исчерпают резервы (в размере \$2 трлн) к 2034 году. С тех пор Саудовская Аравия уже потратила более \$45 млрд.

Если так будет продолжаться, через 6 месяцев привязка саудовского риала к доллару ослабнет. Девальвация ударит по реальным доходам страны, которая импортирует почти все в обмен на нефть.

Пытаясь сбалансировать бюджет, Саудовская Аравия приостановила выплату надбавки на стоимость жизни государственным служащим, повысила цены на бензин и утроила налог с продаж. Несмотря на предпринятые меры, дефицит королевства может превысить в этом году \$110 млрд (16% ВВП). Придется по заветам МВФ вновь поднимать налоги, что чревато дальнейшим падением рынка, который и так на нуле.

Арабские лидеры заговорили о приватизации. Именно этого результата и добивается мировой финансовый регулятор. Саудиты недавно объявили о продаже крупнейшей в мире опреснительной установки в Рас-эль-Хайре.

Однако отток средств продолжается — деньги бегут от дополнительной прибыли в область политической стабильности («тихая гавань»). Гарантии в обмен на дивиденды.

По данным МВФ, доходы от нефти на Ближнем Востоке и в Северной Африке упали примерно с \$1 трлн в 2012 году до \$575 млрд в 2019 году. Ожидается, что в этом году они составят около \$300 млрд, что недостаточно для покрытия расходов. С марта страны-экспортеры нефти сокращают расходы, увеличивают налоги и берут кредиты. Деньги, предназначенные для реформ, тратятся на поддержание штанов.

Следует понимать, что деструкция ждёт весь Ближний Восток и Северную Африку, не только нефтедобытчиков.

Соседние с экспортерами страны зависят от своих нефтяных соседей в вопросе трудоустройства граждан. В некоторых странах денежные переводы «гастарбайтеров» составляют более 10% ВВП. Это спасательный круг для всего региона.

Более 2,5 млн египтян, что составляет почти 3% населения, работают в арабских странах-экспортерах нефти. В других странах цифры еще выше: 5% из Ливана и Иордании, 9% из палестинских территорий. Переводы составляют значительную часть экономики их стран. По мере падения доходов от нефти будут падать и денежные переводы.

Растет протест в Саудовской Аравии. В Ираке чиновники, разгневанные сокращением заработной платы, поддерживают свержение политического режима (вспоминают Хусейна). В Алжире протестующие возвращаются на улицы, доход граждан упал с \$5600 в 2012 году ниже \$4000. Протесты возобновились и в Ливане.

У всего есть своя логика. Перед большой приватизацией надо максимально обрушить стоимость актива. Самым лучшим способом является политическая дестабилизация. Нам это хорошо известно по 90-м годам.

Нынешнее состояние стран Ближнего Востока The Economist называет исторической случайностью (англосаксы их ещё называют странами-безбилетниками). На протяжении веков Персидский залив был заводью, которая поддерживалась паломничеством и торговлей

жемчугом. Правители региона находились в великих старых арабских столицах: Каир и Дамаск вели войны против Израиля и возглавили призыв к арабскому национализму.

Бейрут был финансовым и культурным центром. Нефть позволила странам-безбилетникам вырасти и стать центрами силы и влияния на Ближнем Востоке. А национальные революции и установление контроля за месторождениями придали странам Персидского залива неоправданное (с точки зрения англосаксов) влияние в мире.

В течение четырех десятилетий США проводили в Персидском заливе «доктрину Картера», суть которой в военном обеспечении свободного потока нефти.

После разгона «сланцевой аферы» США наконец-то смогли себе позволить заняться реформированием нефтеносных стран. По Ближнему Востоку покатила «арабская весна».

Одной из ключевых причин реформирования нефтеносных стран была необходимость изгнания Китая из региона.

Спусковым крючком большой демократизации стало заключение Лигой арабских государств и Китая соглашения о создании зоны свободной торговли.

Китай долгое время делал вид, что политика в Персидском заливе его не интересует, только бизнес. Однако снижение платежеспособности арабских государств неизбежно меняет (политизирует) их отношения с Китаем. Пекин становится финансовым агентом нефтеносных стран Ближнего Востока. Это уже происходит в Иране, где американские санкции свели на нет доходы от нефти. Тегеран обсуждает долгосрочную инвестиционную сделку, которая позволит китайским фирмам развивать все в стране, от портов до телекоммуникаций. Сделку планируется оформить как «стратегическое партнерство».

Роль Китая, который получает контроль над инфраструктурой, резко возрастает. Так уже произошло в некоторых азиатских и африканских странах.

Падение доходов от нефти навязет арабским государствам новую модель отношений с Китаем, а это осложнит их отношения с США, переживает по этому поводу The Economist.

Мы же считаем, что Китай был изначальной целью. Конспирологи, например, утверждают, что во время свержения Мухаммеда Мусри в Египте целенаправленно отстреливали чиновников, которые были плотно связаны с Китаем.

Если говорить о выводах, то он один: давление США на регион будет только нарастать. На Россию, кстати, тоже...

Читайте также: [Кто на новенького? За Белоруссией уже заняли](#)